

*Вранье дело милое,
потому что к правде ведет.*

Федор Достоевский

Часть 1

Холли

Три месяца назад

Очнувшись после вязкого сна без сновидений, я несколько секунд не могла сообразить, где нахожусь. Я не испугалась. По крайней мере, поначалу. Такое уже случилось — на раздвижном диване у бабушки с дедушкой, в незнакомом мотеле во время поездки к озеру Биг-Бейр. Где я? Ах да, теперь вспомнила. Первые сумбурные секунды, когда я просыпаюсь не в своей постели, не пугают. Обычно.

Но на этот раз все было по-другому. Открыв глаза, я увидела белизну — белые стены, простыни, жесткая синтетическая подушка под коленом. Что у меня с коленом? Я закрыла глаза. Думай, Холли... думай. Я услышала приглушенный шепот в темноте и звяканье колец от занавесок по штанге. В комнате тошно-творно воняло. Каким-то антисептиком с примесью смерти и грязных подгузников. Я узнала этот запах. Я его ненавидела. В последний раз он означал срочное кесарево сечение, к счастью, я выжила.

И внезапно я все поняла. Еще секунду назад я бродила впотьмах, но теперь поняла. Понимание было как удар под дых. Я вскрикнула. Невыносимая боль. Как будто тысячи рук рвали мою кожу, пока не оторвали от кости. Я осознавала, что вою, но не могла остановиться. Потому что вспомнила.

Вспомнила все.

ГЛАВА 1

Сначала я заметила цветы. Масса цветов всех расцветок изящно огибала фасад дома. Я задумалась, не придется ли сажать их каждый год заново. И отметила для себя, что нужно это выяснить.

Дом оказался больше, чем я ожидала. Хорошо, что не пришлось выбирать его самой, я бы постеснялась выбрать этот. Высокая входная дверь была ярко-красной. Над ней на улицу смотрели два одинаковых слуховых окошка, похожие на большие глаза с изогнутыми бровями. Подъездная дорожка изгибалась у крыльца, чтобы приехать и уезжать, не разворачиваясь. Вместо обычного асфальта она была вымощена серым клинкером, его узор напоминал открывающиеся молнии. Я не могла решить, нравится мне это или вызывает головокружение.

Подошел Эван и открыл мне дверцу машины. Я его не поблагодарила. Я никогда не благодарила Эвана. Авария произошла не по его вине, но это не значило, что я обязана быть с ним любезной.

Саванна, моя дочь-подросток и единственная причина, по которой я не приняла за один присест весь викодин, полученный в больнице, смотреть дом не поехала. Сказала, что устала, но, конечно, на самом деле просто не захотела. Я тоже не хотела видеть Эвана, но мы все на это согласились, так что нет смысла оттягивать. Помимо Эвана и его жуткого босса только Саванна знала, почему я здесь, смотрю на этот прекрасный дом. Дом, который я не могла бы себе позволить, вот-вот станет моим, стоит мне лишь кивнуть.

— Как тебе? — спросил Эван, хотя я еще даже не успела выйти из машины.

Наверное, он примерно одного со мной возраста. Или чуть старше. Максимум сорок. Интересно, женат ли он? Кольца он не носил.

— Мне нравятся цветы, — ответила я.

— Великолепно, правда? Естественно, у вас будет садовник.

Естественно. Эван часто произносил это слово. Естественно, мы обо всем позаботимся. Если у тебя есть вопросы, естественно, звони в любое время. По выходным он иногда надевал выцветшую бейсболку с эмблемой Йеля. Очевидно, он окончил этот университет. Интересно, на чем он специализировался? На целовании задниц? Это он умел отлично.

Я пошла к двери в дом. Колено не гнулось, но я старалась не хромать, шагая по неровной каменной дорожке. Я прошла двухмесячный курс физиотерапии, но Эван сказал, что можно добавить сеансы, если я захочу. Естественно.

Он проводил меня до крыльца. Точнее, просто навеса, чтобы можно было открыть дверь, не намочив под дождем. У двери стояла маленькая деревянная скамейка. Выглядела она как будто только что из магазина. Интересно, она прилагалась к дому или ее поставил сюда мистер Лизоблюд?

Эван протянул мне ключ.

— Будь добра.

Он улыбнулся мне. Интересно, о чем он думает? Вряд ли он мне сочувствует, уж точно не сейчас. Наверное, считает меня самой везучей стервой на планете. Когда у тебя куча денег, все можно купить. Я тому доказательство.

Я взяла у него ключ и отперла дверь. Тяжелый язычок замка громко лязгнул, отодвигаясь. Я не знала

точную ширину двери, но помню, как подумала, что через нее можно и рояль затащить — огромный, в форме раковины, как в модных отелях и роскошных универмагах «Нордстром».

Сучковатые деревянные полы были цвета корицы, под стать запаху внутри. Кремовые стены и шторы цвета имбирного пряника вызывали ощущение, будто я нырнула в пряный чай с молоком. Все было настолько идеально, что у меня выступили слезы. Меня буквально захлестнуло счастье, смешанное с горем и стыдом.

Я скинула туфли и потопала через большую прихожую, под люстрой в виде колеса и лампочками размером с теннисные мячики. И где такие берут? Как вообще я буду их менять?

Столовая — да, тут есть столовая! — была прямо как из «Аббатства Даунтон», с толстым деревянным столом и восемью стульями с высокими спинками. Еще четыре стула — ужин для двенадцати персон, фу-ты ну-ты, — стояли у серванта. Интересно, нет ли в нем китайского фарфора? Я не осмелилась взглянуть.

Я продолжила осмотр и прошла на кухню. Там был остров, и около него только три стула, но место еще как минимум для шести. Хотя вряд ли мне понадобится больше трех. У меня никого нет, кроме Саванны, и я не собираюсь принимать гостей за завтраком. Будь у нас нормальная семья, наверное, мы ели бы в нише со стеклянными стенами и видом на мощные сосны.

Еще там была гостиная, которой я вряд ли буду пользоваться, и кабинет со встроенными книжными шкафами, которые мне не нужны. Они будут выглядеть по-дурацки, если я их не заполню, так что придет-

ся либо держать дверь закрытой, либо пристраститься к чтению.

Лестницу на второй этаж покрывал ковер, но я все равно поднималась очень медленно. Физиотерапевт велел не нянчиться с коленом — чтобы нога стала сильнее, нужно преодолевать боль. Но я все же слегка оперлась на перила, отметив, какие они гладкие и широкие.

Наверху было три спальни. Первые две обычного размера, правда, к ним примыкали ваннны и балконы, поэтому они казались больше. А хозяйская спальня находилась в конце коридора. Я распахнула дверь и застыла на пороге.

Я знала, что там будет большая двуспальная кровать, что-либо другое в таком пространстве смотрелось бы глупо. Но у меня никогда в жизни не было такой огромной кровати. Это было одновременно роскошно и жестоко.

У подножия кровати стоял сундук для одеял. А чуть подальше — диванчик в стиле шебби-шик напротив камина, обрамленного стеклянной мозаикой, напоминающей разбитое лобовое стекло. Скорее целая квартира, а не спальня, и я задумалась, что мне делать с двумя гардеробными, если я теперь одна. Хватит ли выделенных мне денег, чтобы заполнить их новой одеждой? И зачем она мне?

Я села на кровать и посмотрела на стеклянную дверь, ведущую на балкон, больше похожий на террасу. Там был коврик из искусственной травы и два шезлонга. И вид на деревья и небо. Я невольно задумалась... Что это? Дом мечты или личная тюрьма?

А моих секретов хватит, чтобы заполнить весь этот огромный дом.

ЭВАН

Три месяца назад

На тротуаре уже собрался народ. Это была узкая улица в спальном районе, с одноэтажными домами-коробками, разбросанными среди видавших виды оштукатуренных многоэтажек. Над моей головой на проводах качалась пара кроссовок. Кто-то однажды сказал — мол, это значит, что здесь продают наркотики, но не знаю, стоит ли этому верить. Ведь если этот парень знает, то и наркоконтроль тоже в курсе, верно?

Я припарковал «Рендж Ровер» на безопасном расстоянии и пошел дальше пешком. Я осмотрел зевак: голоногая парочка в одежде для пробежки, пожилая дама с тележкой для покупок, женщина в сарафане, темных очках, сандалиях и с татуировками на руках, и три подростка, которые наверняка должны быть в школе.

Еще несколько зрителей таращились из дверей и с террас. Всего я насчитал девятерых. Один из них, темноволосый мужчина в новеньком спортивном костюме, направил на обломки телефон, вероятно, надеясь привлечь подписчиков в «Твиттере» видеозаписью с места кровавого происшествия. Вряд ли он известный блогер, но такие записи быстро разлетаются по всему интернету, поэтому я держался от его камеры подальше.

Я направился к полицейскому в форме, охраняющему место происшествия. В нескольких шагах от него по диагонали стояла «Скорая» с открытой задней дверью — готовилась принять пациента. А потом я опустил взгляд.

Меня тут же затошнило. Теперь я понял, зачем покойников накрывают тканью. Несомненно, этот че-

ловец погиб мгновенно. Его голова была похожа на сдутый баскетбольный мяч, а ноги согнуты как у тряпичной куклы, словно вместо костей мягкая набивка.

Я попятился, запутался в собственных ногах и чуть не рухнул на двух фельдшеров, которые клали на носилки женщину.

— Простите, — промямлил я.

Сквозь порванную блузку женщины виднелась обнаженная грудь. Колено на одной ноге забинтовано. Повязка на голове уже промокла от крови. Ее веки слегка подрагивали, словно она то теряла сознание, то приходила в себя. Одна рука сжималась и разжималась, будто пытаюсь схватить что-то, неожиданно исчезнувшее с привычного места.

— Простите, — сказал я полицейскому в форме, стоящему ближе всех к телу. Мой голос дрожал, но не по тем причинам, о которых он наверняка подумал. — Женщина... Я... — Я запнулся. Мне не хотелось лгать полицейскому, однако нужно выудить из него информацию, которой он вряд ли поделится с посторонним. — Кажется, я знаю эту семью. Я хочу помочь, чем смогу. — В какой-то степени так и было. Я и правда хотел кое-кому помочь. Я же не сказал, что хочу помочь жертве. — Как ее зовут? Просто хочу убедиться, прежде чем... — Прежде чем что? Господи, что я несу? — Прежде чем свяжусь с...

Коп посмотрел на меня. На латунной табличке значилась его фамилия — Келлог, что ж, ему подходит — румяными щеками и вздернутым носом он напоминал мультяшных героев из рекламы хлопьев «Келлог». Я вспомнил ребят из моей школы, которые хотели стать полицейскими. Не сказать чтобы они были отличниками, зато могли испоганить мне жизнь, так что задира́ть их было бессмысленно.

— Мы сами сообщим родным, — поспешил ответить он и отвернулся.

И тут я понял, что у меня проблемы. Потому что я не сумею взять все под контроль, не зная ее имени.

Щелк-щелк. За моей спиной фельдшеры разложили носилки, как гигантский аккордеон. Они уже собирались вкатить женщину в «Скорую». Я запаниковал. Обстоятельства складывались не в мою пользу.

— Куда вы ее увозите? — спросил я женщину-фельдшера, когда она начала толкать носилки в машину. — В какую больницу?

— В Пресвитерианскую в Тарзане, — отозвалась она, а потом задала вопрос, заставший меня врасплох: — Хотите поехать с нами?

Вопрос был настолько неожиданный, что я чуть не проговорился.

— Нет, я поеду на своей машине, — сказал я, подкрепляя ее догадку, что знаком с жертвой.

— Возьмете ее вещи?

Она сунула руку под простыню и достала нечто столь чудесное, что и ангелы бы запели, если б существовали.

— Да, спасибо, — ответил я.

Я протянул руку, и в порыве глупости она отдала мне женскую сумочку.

И моя первая проблема разрешилась.

ГЛАВА 2

— Я взял на себя смелость обставить тут все, — сказал я Холли, вручая ей ключ. — Не уверен, что для этого дома подойдет твоя мебель.

Я нервничал, хотя представления не имел почему. За десять лет работы с Джеком я принимал сенаторов

и кинозвезд, даже одного наследного принца — людей с куда более взыскательным вкусом, чем у Холли Кендрик. И все же в ушах у меня почему-то стучал барабан.

— Ты сам все выбирал? — спросила она, не глядя на меня.

Вопрос показался мне странным.

— Нет, — ответил я.

Конечно же, я солгал. Мне не хотелось, чтобы она узнала, сколько часов я провел в магазине, выбирая образцы тканей, открывая и закрывая ящики в попытке убедиться, что они удобные. Холли и так считала меня сплунтяем, я не хотел все усугублять.

— Можно мне осмотреться? — спросила она.

— Естественно. Это же твой дом. — Я мог бы на этом и закончить, но добавил: — Если, конечно, он тебе понравится.

Уж в этом я не сомневался. Как он может ей не понравиться? Дом находится в самом центре модного района Калабасас, как она и просила, на одной из лучших улиц. По сравнению с ее унылой квартиркой это же просто Букингемский дворец. И все же мне хотелось, чтобы она решила, будто может выбирать, и если ей не понравится этот дом, мы просто выйдем и найдем другой. Хотя, вообще-то, и такое возможно.

Она подошла к ярко-красной входной двери и вставила ключ в замок. Ее фигура с узкой талией и роскошными, идеально округлыми бедрами была словно из другой эпохи. Родившись на пятьдесят лет раньше, она стала бы моделью в стиле пин-ап. И хотя слишком броский макияж и отросшие темные корни волос придавали ей дешевый вид, сзади светлые волнистые волосы идеально дополняли фантазию, от которой я заставил себя отмахнуться.